

ГЕРОИ «СМЕРШ»

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2038

(1838)

Александр Бондаренко

ГЕРОИ «СМЕРШ»

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2020

ИНФОРМАЦИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издание второе

Издательство благодарит ООО «Астра», «Контур» и «Контур-проект» за помощь и поддержку в издании книги.

Бондаренко А.Ю.

Герои «СМЕРШ» / Александр Бондаренко. — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2020. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1838).

ISBN 978-5-235-04687-0

Эта книга — о войне и о тех людях, которые обеспечивали безопасность сражающейся Красной армии. Автор не отделяет работу сотрудников легендарного Смерша, военных контрразведчиков, от того, что происходило на фронтах, и это помогает читателю самому сделать вывод о нужности и важности их деятельности.

Герои книги — сотрудники Смерша различных рангов, от начальника Главного управления контрразведки Наркомата обороны до зафронтового агента. Особое внимание уделено судьбам оперативных работников, находившихся непосредственно в боевых порядках войск, в том числе — павших в сражениях. Здесь помещены биографии сотрудников Смерша, впоследствии занявших высшие должности в органах безопасности, и тех, кто, уйдя в запас, достиг вершин в совершенно иных областях, а также рассказано обо всех «смершевцах» — Героях Советского Союза.

Книга «Герои Смерша» развенчивает многие «легенды» и исправляет заблуждения, зачастую общепризнанные. Она открывает малоизвестные страницы Великой Отечественной войны и помогает понять и осмыслить ту роль, которую сыграла военная контрразведка в деле достижения Великой Победы.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

16+

© Бондаренко А. Ю., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

Из Смерша не делали миф искусственно — он сам стал заволаживающим мифом, восхитительной и таинственной легендой исключительно благодаря своим великим делам и выдающимся людям.

А.Г. Шаваев «Галерея шпионажа»

БЕССМЕННЫЙ НАЧАЛЬНИК СМЕРША

Виктор Семёнович Абакумов

Если бы не Советская власть, то в жизни ему не светило бы ничего хорошего. Виктор Абакумов родился 11 (24) апреля 1908 года в Москве, в районе Хамовники. Теперь это центр города, а некогда была рабочая окраина — населённая ткачами «Хамовная» слобода.

«Отец мой до революции был некоторое время рабочим Московской фармацевтической фабрики, б. Келлер. После революции — уборщиком-истопником одной из больниц гор. Москвы. Заработок отец получал очень низкий, семья из 5 человек (брат, сестра и я) всегда находилась в нужде. Проработав в больнице много лет, отец в 1922 году умер.

Мать до революции работала швеёй по разным мастерским, и, кроме этого, ей приходилось ещё брать шитьё на дом. После революции работала уборщицей...»¹ — писал Абакумов в автобиографии в 1939 году. В ту пору ему был всего только тридцать один год, а он уже был начальником Управления НКВД по Ростовской области и пребывал в чине капитана госбезопасности, что соответствовало армейскому подполковнику; впрочем, весной 1940-го Виктору будет присвоено сразу же «генеральское» звание — «старший майор государственной безопасности». Казалось бы, путь до такого чина в его возрасте должен был быть стабильно восходящим, исключительно «вперёд и вверх, а там...» (как у детей высокопоставленных чиновников), но на самом деле «дорожка» эта для него оказалась тернистой, извилистой и ухабистой.

Биографию Абакумова можно было бы назвать уникальной, если бы в те смутные послереволюционные времена подобным же необычным образом не складывались многие тысячи жизней. В 13 лет, даже не успев закончить четырёхклассного городского училища (это было единственное его образование), Виктор отправился воевать, записавшись

добровольцем во 2-ю Московскую бригаду ЧОН. ЧОН (части особого назначения) — это, как объясняет энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР», «военно-партизанские отряды». Как раз в 1921 году, когда Абакумов стал чоновцем, они были включены в состав милиционных частей Красной армии. Войска это были достаточно серьёзные: «В декабре 1921 года в ЧОН числилось кадрового состава 39 673 человека и переменного — 323 372 человека. В составе ЧОН были пехотные, кавалерийские, артиллерийские и бронечасты»². О боевой биографии Абакумова известно, что он «выезжал на подавление волнений в Шиловском уезде Рязанской губернии»³, однако не стоит думать, что он был «крутым спецназовцем», потому как в бригаде пребывал в качестве санитаря, а в 15 лет вообще демобилизовался. Пришлось «вписываться» в мирную жизнь — без образования, без профессии. Отсутствие оных ему заменили энергия, трудолюбие, предприимчивость и, как кажется, недюжинная смекалка.

Работу Виктор выполнял самую низовую и тяжёлую: упаковщик, грузчик — но выполнял её добросовестно, требуя того же и с других. Он, как и многие, уверовал тогда в правильные лозунги новой власти и, в частности, объявил непримиримую войну «расхитителям социалистической собственности». Парень он был здоровый, задерживал и воришек, и ворюг, а потому за свои смелые и решительные действия был награждён ценным подарком. Вскоре ему вообще предложили работу «по профилю» — стрелком военно-промышленной охраны в ВСНХ^[1] СССР. В 1927 году Виктор вступил в комсомол — по возрасту достаточно поздно, но уже через три года он стал членом ВКП(б). Явно, что вступал Абакумов в партию не из карьеристских побуждений: в то время он опять работал упаковщиком на складах Центросоюза — какие там могли быть служебные перспективы? Но тут, как говорится, подфартило. Советской власти требовались свои надёжные кадры.

Возвратимся к знакомой нам автобиографии: «В этом же

году, когда проходило выдвижение рабочих в советский аппарат, меня через профсоюзы выдвинули в систему Наркомторга РСФСР, где я работал зам. начальника административного отдела торгово-посыльной конторы и одновременно был секретарём комсомольской организации»⁴.

Как известно, в советские времена ВЛКСМ являлся серьёзным «социальным лифтом». Абакумовская карьера по комсомольской линии развивалась стремительно: в сентябре 1930 года Виктор возглавил комсомольскую организацию штамповочного завода «Пресс», откуда вскоре перешёл в Замоскворецкий райком ВЛКСМ, заведующим военным отделом. Честно говоря, это смущает: неужели после почти целого десятилетия войн не могли подобрать никого опытнее? Ну да ладно, тем более что отдел Виктор возглавлял недолго: в 1932 году был направлен на работу в органы НКВД. Кстати, следует отметить, что он неоднократно просил отправить его на учёбу. Не направили — послали служить. Так тогда со многими поступали.

Сначала он был определён на должность штатного практиканта экономического отдела Полномочного представительства ОГПУ Московской области, затем, в 1933 году, стал уполномоченным 1-го отдела Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ.

...Несколько лет тому назад нам довелось не раз беседовать с ветераном ВЧК—ОГПУ Борисом Игнатьевичем Гудзем^[2], который рассказывал, что именно ЭКУ явилось инициатором фабрикации дел о «вредительстве» в различных областях жизни страны. Борис Игнатьевич говорил: «Дела по всем этим процессам вело экономическое управление; даже по ложным обвинениям меньшевиков... дело вело это управление. Видимо, здесь аппарат и, соответственно, руководство оказались самыми неустойчивыми...»⁵

Молодому чекисту следовало вписаться в это, скажем так, совсем не простое подразделение. Не получилось. Вот что вспоминал бывший начальник отделения, в котором трудился

Абакумов, Михаил Павлович Шрейдер^[3]:

«В течение первых двух месяцев Абакумов несколько раз докладывал мне о якобы развиваемой им огромной деятельности...

Через два месяца я решил проверить работу Абакумова.

В день, когда он должен был принимать своих агентов, я без предупреждения приехал на конспиративную квартиру, немало смутив Абакумова, поскольку застал его там с какой-то смазливой девицей. Предложив Абакумову посидеть в первой комнате, я, оставшись наедине с этой девицей, стал расспрашивать её о том, откуда она знает, что такой-то инженер (фамилия которого фигурировала в подписанном ею рапорте) является вредителем. А также, что она понимает в технологии производства, являясь канцелярским работником?..

При проверке двух других “завербованных” Абакумовым девиц картина оказалась такой же.

На следующий день я написал руководству ЭКУ рапорт о необходимости немедленного увольнения Виктора Абакумова. По моему рапорту Абакумов был из ЭКУ уволен...»⁶

Морализировать не будем: тут и серьёзный должностной проступок, и всё то же «липачество», то есть создание фальсифицированных дел. Хотя вполне возможно, что на «такого-то инженера-вредителя» ранее уже показали другие люди. Не нужно также забывать, что автор воспоминаний провёл около четырёх лет, с 1938-го по 1942-й, в тюрьмах и лагерях.

Однако факт остаётся фактом: в результате произошедшего Абакумов оказался в ГУЛАГе — по счастью, в качестве оперативного уполномоченного 3-го отделения отдела охраны. Есть версия, которую — к сожалению, ничем не подтверждая, — поддерживают некоторые авторы, что Виктора Семёновича связывали некие родственные отношения с Николаем Ильичом Подвойским^[4], первым наркомом РСФСР по военным делам, руководителем Всевобуча^[5] и ЧОН в 1919 — 1923 годах, членом ВЦИК и ЦКК^[6] ВКП(б). Мол, он-то и пристроил родственника

в ЧОН, затем содействовал его назначению в НКВД, вскоре переименованный в ОГПУ, а потом спас от изгнания «из рядов», если даже не большего наказания. Ведь произошедшее на конспиративной квартире можно представить и как «расшифровку объекта», а тогда вообще — пиши пропало, государственное преступление!

А так, можно считать, Абакумов не только отделался «лёгким испугом», но и сумел пройти хорошую школу. «Та работа, которой занимался в ГУЛАГе Виктор Абакумов, не зря называлась оперативной. Секретно-оперативное отделение, а раньше третье информационно-следственное отделение обеспечивало руководство и проведение оперативно-чекистского обслуживания заключённых, спецконтингента и вольнонаёмных работников исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД. <...>

Судя по тем задачам, которые пришлось решать В.С. Абакумову в ГУЛАГе будучи оперуполномоченным, и судя по его огромному влечению к оперативной работе, можно с уверенностью сказать, что те несколько лет, которые он провёл там, не прошли даром. В любом случае он получил знания, умения и навыки в контрразведывательной практике по агентурной проработке заключённых с целью выявления не вскрытых в процессе следствия их прежней преступной деятельности и связей, а также по агентурной разработке лиц из вольнонаёмного состава, подозрительных по шпионажу. Приходилось ему заниматься выявлением и предотвращением вредительства»⁷.

Всё это уже было серьёзно.

В 1937 году Абакумов был переведён оперуполномоченным в 4-й (секретно-политический) отдел ГУГБ^[7], вскоре дорос до заместителя начальника отделения, а затем принял отделение во 2-м (оперативном) отделе.

Об этом периоде своей жизни Виктор Семёнович писал в автобиографии так: «Работая в органах НКВД... <далее следует перечисление известных нам должностей. — А.Б.> я всё время

был на низовой работе.

В 1939 году руководством НКВД СССР был выдвинут на руководящую чекистскую работу — нач. УНКВД Ростовской области»⁸.

Впрочем, он уже с 5 декабря 1938 года был исполняющим обязанности начальника Управления, а 27 апреля 1939-го занял эту должность официально. Почему произошло такое назначение, определённый ряд авторов не имеет ни малейших сомнений:

«Надо полагать, что Абакумов... сделал свою карьеру с помощью здоровых кулаков и садистских наклонностей, которые по указанию Ежова^[8], а затем Берии^[9] с успехом применял против ни в чём не повинных людей...»⁹ — уверен Михаил Шрейдер.

Хлёстко, жёстко, но бездоказательно! Пишут: «надо полагать» — а может, совсем и не надо?

Биограф Абакумова рассказывает о том же периоде, ссылаясь на конкретного свидетеля: «По свидетельству чекиста А. Ведерникова, Абакумов даже пальцем подследственных не трогал: “Бывало, допрашиваешь какого-нибудь вредителя, а он врёт, изворачивается, сочиняет всякие небылицы. Вот слушаешь, потом не вытерпишь и закатаешь ему оплеуху, чтобы сказки не рассказывал. Бывало в моей практике и такое, чего греха таить. Молодой был, горячий. А вот Абакумов, тот нет, пальцем подследственного не трогал, даже голоса на допросах не повышал. Помню, один деятель из троцкистов так прямо измывался над ним. Развалится на стуле, как у тёщи на блинах, и дерзит, угрожает даже. Мы говорим, что ты, Виктор Семёнович, терпишь, дай разок этому хаму, чтобы гонор поубавил”. Он на нас глянул так, словно на врагов народа»¹⁰.

Кстати, этот же вопрос — участвовал ли Абакумов в пытках подозреваемых — мы задали ветерану военной контрразведки генерал-майору Василию Афанасьевичу Кириллову^[10]. Ответ был таков:

— Я ни от кого не слышал, чтобы он лично участвовал в

избиениях. Наоборот, я обратил внимание на его слова в письмах Берии и Маленкову^[11]: «Да как же так, если мы знаем, что это враг, мы бы всё равно доказали его виновность...» Это показывает, что подобные методы в то время применялись, но применял ли он сам — этого я, повторяю, ни от кого не слышал!

А ведь Василий Афанасьевич многие десятилетия работал бок о бок с ветеранами Смерша, с сотрудниками, пришедшими в НКВД в 1930-е годы, так что является человеком очень информированным.

Серго Лаврентьевич Берия^[12], сын Лаврентия Павловича, так объясняет причину симпатии своего отца к Абакумову:

«Когда отца назначили наркомом внутренних дел СССР, Виктор Семёнович работал в управлении НКВД по Ростовской области. В поле зрения отца он попал в период, когда началась массовая реабилитация людей, арестованных при Ягоде^[13] и Ежове. Были созданы в краях и областях специальные группы по реабилитации, куда входили вместе с сотрудниками прокуратуры и работники НКВД. В одну из таких групп включили тогда и Абакумова. Именно там он и выдвинулся. При его непосредственном участии было освобождено до 60 процентов заключённых, арестованных в Ростовской области. Потом пошла гулять версия, что Абакумов “освобождал заключённых огульно”, зарабатывая на этом авторитет.

Так это или нет, судить не могу, но доброе дело он сделал. Лучше уж карьеру делать на освобождении невинных людей, чем на арестах, как это делали до него его же коллеги...»¹¹

Очень здравая мысль! Вообще, если оценивать непредвзято, то Лаврентий Павлович умел подбирать кадры и не боялся назначать на высокие должности талантливых молодых сотрудников. Как мы знаем, Абакумов будет возглавлять военную контрразведку на протяжении практически всей Великой Отечественной войны, а другой ставленник Берии, Павел Михайлович Фитин^[14], с 1939 по 1946 год возглавлял внешнюю разведку. Можно уточнить, что в военной разведке

за тот же период сменилось пять руководителей!

Кстати, нижеприведённые слова в равной мере можно отнести и к Абакумову, и к Фитину:

«Не думаю, что руководить управлением НКВД при Берии было легко. Только угождать и выполнять все указания из Москвы было недостаточно. Ведь ветер мог подуть и в другую сторону, и, наконец, с другой стороны. Время было такое, не совсем определённое»¹².

У нас же, однако, как определили при приснопамятном Н.С. Хрущёве, что Берия — «нехороший человек», так до сих пор никто и не слушает никаких доводов в его пользу. К тому же «тень» Лаврентия Павловича падает и на его окружение, без разбора очерняя всех, в том числе — и самых светлых людей...

Ладно, возвратимся к нашему герою и уточним, что в марте 1939 года он был делегатом XVIII съезда ВКП(б): известно, что многие из присутствовавших на партийных съездах избирались туда в соответствии со своими должностями. В общем, Абакумову отныне светила успешная карьера — так оно и получалось.

25 февраля 1941 года Виктор Степанович был назначен заместителем наркома внутренних дел, то есть заместителем Берии. По своей должности «Абакумов курировал Главное управление милиции, Главное управление пожарной охраны и 3-й отдел НКВД — оперативное обеспечение пограничных и внутренних войск НКВД, пожарной охраны и милиции»¹³.

Про 3-й отдел следует сказать особо. 3 февраля 1941 года органы безопасности претерпели очередную реформу: из единого ведомства были выделены все разведывательные, контрразведывательные и оперативно-технические подразделения, ранее составлявшие ГУГБ, и из них был образован Наркомат государственной безопасности (НКГБ). При этом военная контрразведка — 4-й, или Особый отдел ГУГБ — была вообще выведена из состава НКВД СССР и передана в различные ведомства. С 8 февраля были созданы три управления наркоматов Обороны и ВМФ, а также — 3-й отдел НКВД, курировавший, как мы уже сказали, войска НКВД.

В общем, именно тогда Виктору Абакумову пришлось впервые соприкоснуться с военной контрразведкой, вскоре ставшей его судьбой.

На эту тему, однако, ничего конкретного мы сказать не можем, зато известно, что самым серьёзным делом, которым занимался Абакумов в качестве заместителя наркома, были «мероприятия по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». Напомним, что прибалтийские республики добровольно вошли в состав СССР в 1940 году. Хотя за это и проголосовала большая часть населения, но были и ярые противники вхождения, чётко сориентированные на гитлеровскую Германию. Этих-то людей и было решено отправить «в глубь территории» нашей страны.

Сегодня подобные «мероприятия» НКВД нередко трактуются чуть ли не как геноцид, но это были вынужденные и тщательно продуманные меры по подготовке к грядущей войне. Нравится кому-то или нет, однако нельзя отрицать, что именно НКВД оказался самым подготовленным к войне ведомством.

На эту тему, кстати, мы разговаривали с Героем России Алексеем Николаевичем Ботяном^[15], ветераном Второй мировой войны. Речь шла о событиях, происходивших на территории Западной Белоруссии после её возвращения в состав СССР: «Некоторые сейчас утверждают, что, мол, тогда повыселяли многих, в Сибирь отправили. Да, и это было, были такие случаи. Но не многих! Кстати, не тронули ни одного инженера, ни одного врача... Даже польских полицейских, которые у нас в районе были, и тех никого не арестовали. Зато забирали тех, которые были связаны с “двуйкой”, то есть с контрразведкой польской; брали активных антисоветчиков, а также тех, кто воевал против Советской власти в 1920 году – тех людей действительно повывозили отсюда. Может, это и правильно было, потому что не знаю, как бы повели они себя в начале будущей войны... Но никаких репрессий, расстрелов не было, абсолютно! Просто сажали людей в вагоны — и

отправляли. Куда именно, мне не известно. Я вам так скажу: поверьте, органы знали, кого забирать!»¹⁴

«Кого забирать» было чётко определено и в Белоруссии, и в Прибалтике.

Было решено «направить в лагеря на срок от 5 до 8 лет» с последующей ссылкой «в отдалённые местности Советского Союза» «следующие категории лиц»:

«а) активных членов контрреволюционных партий и участников антисоветских националистических и белогвардейских организаций;

б) бывших охранников, жандармов, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовых полицейских и тюремщиков, на которых имеются компрометирующие их материалы;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии;

г) бывших офицеров польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имеются компрометирующие материалы;

д) уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью»¹⁵.

Заметьте — не всех «полицейских и тюремщиков», а тех, «на которых имеются компрометирующие их материалы»! Ну и так далее...

В Литву, Латвию и Эстонию были командированы нарком госбезопасности СССР Меркулов^[16], его заместитель Серов^[17] и заместитель наркома внутренних дел Абакумов, успешно и в кратчайшие сроки выполнившие поставленную задачу. Если обратиться к нашему герою, то итоги его деятельности таковы: «В Эстонии (группа Абакумова) было арестовано 3178 человек, выселено 5978 человек — всего 9156 человек»¹⁶. Население республики составляло в ту пору порядка миллиона человек, так что было репрессировано (не казнено, об этом речи не шло!) порядка одного процента населения Эстонии.

Много это или мало? Не знаем. Но вот во Франции во времена Великой Французской революции^[18] также было репрессировано порядка одного процента нации — только уже при помощи гильотины и иных «летальных» средств. Однако французы своей революцией гордятся, на день взятия Бастилии проводят грандиозный парад, а «Марсельеза» остаётся их гимном...

А дальше была война.

Уточним, что с августа 1940 года военной контрразведкой руководил Анатолий Николаевич Михеев^[19], в недавнем прошлом — военный инженер, выпускник Академии им. В.И. Куйбышева. Сначала он был начальником 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, затем, с февраля 41-го, — начальником 3-го Управления НКО СССР, а 17 июля, по личной своей просьбе, принял Особый отдел НКВД по Юго-Западному фронту. В тот же день, постановлением Государственного Комитета Обороны, органы 3-го Управления НКО были преобразованы в особые отделы НКВД СССР, и Виктор Семёнович, оставаясь заместителем наркома, был назначен начальником Управления особых отделов. (Перед тем, 16 числа, он в качестве представителя НКВД был введён в состав Совета по эвакуации, который возглавлял Н.М. Шверник^[20], а его заместителем был А.Н. Косыгин^[21] — уровень высочайший!)

Вскоре, 20 июля, в лоно родного НКВД возвратился НКГБ. Таким образом, вся безопасность страны и армии сосредоточилась в железных руках Л.П. Берии. Однако конкретно за важнейшее на тот период направление — обеспечение безопасности сражающейся армии — отвечал В.С. Абакумов.

«Перестройка работы с мирного на военный лад происходила в исключительно трудных условиях на фоне постоянного отступления советских войск, формирования новых частей и соединений и т.п. В некоторых органах военной контрразведки возникали проблемы выстраивания отношений с командованием. Неслучайно во второй половине 1941 г.

представители руководства Управления особых отделов НКВД СССР неоднократно выезжали на места, где знакомились с организацией работы, давали указания по повышению её качества и эффективности.

Так, к примеру, в начале октября 1941 г. начальник УОО НКВД СССР выезжал на Южный фронт, побывал в 9-й и 18-й армиях, в 150-й стрелковой дивизии. В ходе поездки В.С. Абакумов ознакомился с оперативными материалами особых отделов, давал указания и проводил инструктажи с руководящим составом особых отделов по вопросам решительного пресечения дезертирства, шпионажа и “разболтанности на фронте”»¹⁷.

Вообще, жуткое было время! Казалось бы, что является главной задачей контрразведки в войну? Естественно, ловить вражеских шпионов, пытающихся проникнуть в боевые части! Но что стоит на первом месте в приведённой выше цитате? «Решительное пресечение дезертирства»! Кажется, что это самое дезертирство на тот период было страшнее любых агентов противника!

Вот справка, которую подготовил заместитель Абакумова комиссар госбезопасности 3 ранга Мильштейн^[22]:

«С началом войны по 10-е октября с.г. особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 631 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт»¹⁸.

По штату военного времени численность стрелковой дивизии составляла порядка четырнадцати с половиной тысячи человек. Значит, получается, что за неполных четыре месяца было задержано более 40 дивизий дезертиров и беглецов!

Но кто и когда видел полностью укомплектованную дивизию? Так что реально военные контрразведчики возвратили тогда на фронт не менее 60 соединений!

Но ведь были ещё и почти 26 тысяч арестованных. Кто они? В том же документе указывается, что из этого числа оказались шпионами 1505 человек, диверсантами — 308, изменниками — 2621, «самострельщиками» — 1671, «распространителями провокационных слухов» — 3987. Ну и так далее. В итоге «по постановлениям особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек»¹⁹.

Можно ахнуть в изумлении — расстреляли целую дивизию! Но ведь за счёт этого жёсткого наведения порядка действующая армия реально пополнилась 40—60 дивизиями. Да и под расстрел пошли не какие-то случайные жертвы (хотя, разумеется, и такие были — к сожалению, в любом деле всегда присутствует некая «погрешность»), но, в подавляющем своём большинстве, люди вполне этого заслуживающие. Абвер, военная разведка и контрразведка рейха, в ту пору массово «клепала» шпионов — наши контрразведчики называли это «мукой грубого помола». Тому в подтверждение — всего одна директива УОО НКВД СССР, датированная 28 июля 1941 года и подписанная Абакумовым:

«Управление особых отделов НКВД СССР располагает данными, что германская разведка вербует в широком масштабе взятых в плен военнослужащих Красной Армии, затем перебрасывает их под видом побега из плена на нашу территорию. <...>

18 июля с.г. особым отделом Юго-Западного фронта был задержан лейтенант Супрун, который на допросе показал, что он вместе с красноармейцами Овсянниковым и Ложкиным бежал из плена. Допросом Овсянникова и Ложкина было установлено, что немцы их завербовали и перебросили на нашу сторону для шпионской работы. Супрун также был завербован немцами.

25 июня попавший к немцам в плен и завербованный там

для шпионско-диверсионной работы в Красной армии красноармеец Данилов Ф.И. был переброшен на нашу территорию на германском самолёте.

Задержанный мл. сержант Кашишян на допросе показал, что немцы освободили его из плена с заданием пропагандировать хорошую жизнь красноармейцев в германском плену и хорошее обращение там с ними. <...>»²⁰

И это — неизвестно сколь малая доля происходившего! В начале войны в германском плену оказались сотни тысяч наших военнослужащих — зачастую испуганных, дезорганизованных, морально сломленных. К тому же не стоит считать всех советских граждан сознательными патриотами — немало было и сознательных врагов Советской власти, и обиженных на неё, и просто всякой уголовной сволочи, затесавшейся в ряды «несокрушимой и легендарной». Перед абверовскими вербовщиками открылось тогда широкое поле деятельности.

«Наиболее характерным является упрощённый метод вербовки, — докладывал В.С. Абакумову 4 января 1942 года начальник Особого отдела НКВД Калининского фронта старший майор госбезопасности Н.Г. Ханников^[23]. — После 2—3 допросов, обработки в направлении “неизбежного поражения Советского Союза”, обещания выдать хорошее вознаграждение вербуемый направляется для выполнения задания. В целом ряде случаев вербовка оформляется без подписки. У вербуемого предварительно отбираются все известные ему данные о частях Красной Армии. Имеются также факты, когда согласие на вербовку даётся под угрозой расстрела»²¹.

Технология простейшая, и потому через линию фронта чуть ли не сплошным потоком шли воистину «одноразовые», неподготовленные агенты — мол, кто-то из них да и выполнит задание. Но ни его, ни тем более прочих — не жалко.

А ведь выполнение и одного лишь задания — типа подрыва склада боеприпасов или отравления колодца с питьевой водой — могло обернуться большой бедой. Вот и трудились

военные контрразведчики, прекрасно сознавая, что если без разведки армия слепа, то без военной контрразведки она беззащитна.

Уточним, что «Вновь образованное Управление особых отделов (УОО) НКВД СССР представляло собой самостоятельную структуру в составе Наркомата внутренних дел, которой подчинялись все особые отделы фронтов, округов (военных, пограничных, внутренних войск), армий, корпусов, дивизий, бригад и отдельных гарнизонов»²².

Комиссару госбезопасности 3 ранга Абакумову нужно было налаживать и курировать всю эту работу, руководить ею. Ясно, что эффективно делать это с Лубянки не представлялось возможным.

«На фронтах Виктор Семёнович бывал часто, в кабинете засиживаться не любил и предпочитал лично знакомиться с работой своих подчинённых непосредственно в боевой обстановке. Такие поездки лишь добавляли ему авторитета, которого и без того хватало с лихвой. При этом Абакумов был сильным и смелым человеком, причём его смелость и, если хотите, даже храбрость не была показной...

В годы войны начальник контрразведки не однажды рисковал своей жизнью. Его машину атаковал “мессершмитт” в районе Великих Лук на Калининском фронте. И только чудо спасло Абакумова и его охрану от неминуемой гибели. Машина была в буквальном смысле изрешечена»²³.

Впрочем, Великие Луки — это зима 1942/43 годов, а перед тем были не только победа под Москвой, когда пришедшая в себя Красная армия сумела отбросить на полторы сотни километров непобедимые, как казалось, гитлеровские полчища, но и Харьковская катастрофа, и прорыв немцев к Кавказу и Сталинграду. Именно тогда, 28 июля 1942 года, Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин подписал приказ № 227 «О принятии мер по укреплению порядка и повышению дисциплины в войсках», вошедший в историю как «Ни шагу назад!».

В этом документе, в частности, говорилось:

«1. <...> в. Сформировать в пределах фронта от одного до трёх (см. по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставить их на трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной. <...>

2. <...>б. Сформировать в пределах армии 3-5 хорошо вооружённых заградительных отряда (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов и тем самым помочь честным бойцам дивизии выполнить долг перед Родиной.

в. Сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной. <...>»²⁴

Обратим, во-первых, внимание на то, что в данном приказе не звучат ни аббревиатура НКВД, ни словосочетание «особый отдел» — всё это были чисто армейские дела, хотя и под соответствующим контролем; во-вторых, «штрафные батальоны», столь романтизированные поэтами-песенниками, таковыми, как видим, на самом деле не являлись. Теперь возвращаемся к нашей теме.

«На всех фронтах, за исключением Сталинградского, за формирование заградотрядов отвечали военные советы фронтов, которым они и были непосредственно подчинены. На Сталинградском фронте военные советы формировали заградотряды совместно с особыми отделами, поэтому последние имели двойное подчинение. Проблемой создания заградительных отрядов на Сталинградском фронте занимался

лично руководитель Управления особых отделов НКВД СССР В.С. Абакумов. Он прибыл в Сталинград, ориентировочно, 3 августа 1942 г. с большой группой руководящих работников...»²⁵

Делаем паузу и уточняем, что в тот самый день, прорвав оборону 51-й армии, передовые части немецкой 4-й танковой армии вышли к реке Аксай, угрожая левому флангу и коммуникациям 64-й армии.

«После беседы с командующим фронтом и членом Военного совета В.С. Абакумов сформировал три оперативные группы, которые выехали в армии, чтобы выяснить обстановку на местах и проверить работу по созданию заградительных отрядов...

В период нахождения В.С. Абакумова в войсках противник 7 августа 1942 г. прорвал оборону и вышел на правый берег р. Дон в районе Калач — Камышин — Пятиизбянская. Ряд соединений 62-й армии оказался отрезан противником, который принимал меры к окружению всей армии и овладению переправами в районе Калача, подвергая боевые порядки наших войск непрерывной массированной бомбардировке с воздуха. <...>

О сложившейся обстановке, недостатках управления войсками, действиях органов военной контрразведки фронта В.С. Абакумов в течение 8 — 11 августа докладывал шифротелеграммами наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии. Несмотря на трагичность сложившейся обстановки, превосходство противника в авиации и танках, части и соединения Красной армии, как следует из докладов, стремились до последнего удерживать свои позиции и не отступать без приказа... Перед возвращением в Москву В.С. Абакумов потребовал от подчинённых, чтобы информация о положении на Сталинградском фронте поступала в Управление особых отделов НКВД СССР ежедневно, при этом она должна была содержать исключительно правдивые и объективные сведения. Необходимо отметить, что руководство Управления выдвигало подобное требование и к руководству особых отделов других фронтов»²⁶.

Сам Виктор Семёнович в эти дни работал в войсках двух

основных сталинградских армий — 62-й и 64-й.

Кстати, когда он находился в одном из корпусов, возник вопрос, в чьих руках находится близлежащая станция: командир корпуса намеревался её атаковать, но Абакумов видел, что над ней кружатся немецкие самолёты, а значит, наоборот, следовало ждать в том направлении атаки гитлеровцев. Комиссар госбезопасности решил самостоятельно прояснить обстановку — и отправился к станции на своей машине. При этом он сказал командиру корпуса, что если там находятся немцы, то он вступит с ними в бой, и в этом случае приказывает открыть по его машине артиллерийский огонь — попадать в плен ему было нельзя.

По счастью, станция была занята нашими войсками. Однако командир корпуса получил прекрасный урок того, как нужно организовывать разведку и что следует знать абсолютно всё происходящее на вверенном ему участке.

Нет сомнения, что работа по контрразведывательному обеспечению войск была проведена очень серьёзная и, что называется, с большим задёлом: когда 19 ноября того же 1942 года началось контрнаступление советских войск под Сталинградом, для гитлеровского командования это оказалось совершенной неожиданностью. А ведь оказался единственный вражеский агент на должности какого-нибудь штабного писаря — и всё! Но таковых не было. Контрразведка надёжно обеспечила безопасность сталинградских штабов.

Впрочем, «острые мероприятия» военным контрразведчикам приходилось проводить не только на фронте, но и в тылу — даже в Москве, и главный военный контрразведчик и тут не оставался в стороне. Анна Кузьминична Зиберова^[24], сотрудница Смерша, вспоминала, как в 1943 году в центре Москвы брали немецкого радиста:

«Сделано всё было молниеносно, так что прохожие не успели даже сообразить, что произошло. Абакумов и Збраилов^[25] стояли на углу у Архитектурного института, Абакумов направился вслед за машиной — на Лубянку, а Збраилов

подошёл к нам, похвалил за чёткую работу. Старший группы “наружки” поинтересовался у Збраилова, кто стоял с ним рядом. Когда услышал, что Абакумов, растерялся, что не узнал его, и сказал, что тот всё время интересовался, как идут дела, а он послал его на три буквы. “Что теперь мне будет?” — загоревал он. Збраилов засмеялся и ответил, что ничего не будет, так как Абакумов и сам нервничал. Абакумов и Збраилов часто присутствовали при задержании особо опасных преступников»²⁷.

Скажем честно: далеко не каждый начальник оставил бы без последствий подобное происшествие. Понять состояние сотрудника мог только настоящий профессионал и адекватный человек. Вообще, про положительные человеческие качества Виктора Семёновича вспоминали многие его подчинённые.

Старший лейтенант Зинаида Павловна Алексеева, бывшая во время войны секретарём Виктора Семёновича, говорила нам так:

— Он людей любил, о своих сотрудниках заботился, уважал их, какие бы должности они ни занимали. Он порядочный, человечный человек был!

Предельно просто и понятно.

И вот, кстати, информация, также характеризующая Абакумова — как, впрочем, и работу его ведомства:

«Материалы военной цензуры часто служили основой для подготовки важных аналитических документов, характеризующих положение в тылу страны и на фронте. Органы безопасности неоднократно обращали внимание политического и военного руководства на неблагоприятное положение в ряде районов страны, оказывавшее негативное влияние на боеспособность воинов Красной армии и флота. Так, в начале 1942 г. В.С. Абакумов в записке в ЦК ВКП(б) и НКО СССР на имя А.А. Андреева^[26] и Л.З. Мехлиса^[27] сообщал: “При проверке писем, идущих в Действующую армию, военной цензурой в конце декабря 1941 г. и начале января 1942 г. продолжают отмечать значительное количество жалоб семей

военнослужащих на плохие материально-бытовые условия и отсутствие внимания к их нуждам со стороны местных гражданских и военных органов. Такие жалобы отмечаются по Ярославской, Московской, Ивановской, Калининской, Молотовской, Горьковской, Кировской, Свердловской, Омской, Челябинской и Чкаловской областям»²⁸.

К сожалению, подобные документы не вызывают интереса у тех, кто с пеной у рта «изобличает» сегодня «зверства» Смерша и всех вообще органов безопасности, а ведь чекисты немало сделали, чтобы помочь семьям воюющих командиров и красноармейцев навести порядок в тылу.

Хотя, конечно, были и ретивые сотрудники — такие бывают во все времена, — спешившие обвинить в антисоветской агитации и авторов, и получателей писем, которые делились своим горем или сомнениями с товарищами. «Задокументировано» немало случаев отмены вышестоящими органами подобных необоснованных решений и даже привлечения к ответственности тех самых не в меру бдительных сотрудников...

Победа в Сталинградской битве положила начало коренному перелому в Великой Отечественной войне — война двинулась на запад. Между тем советское руководство понимало, что перелом этот следует закрепить в сознании людей, чётко отделить прошлое от настоящего и будущего. Именно по этой причине армия изменила свой внешний вид: были введены погоны, командиры переименованы в офицеров, осуществлён ряд оргштатных преобразований.

Ещё более серьёзные перемены произошли в органах безопасности. 14 апреля 1943 года НКВД СССР вновь был разделён на НКВД и НКГБ, а 19 числа того же месяца впервые прозвучало зловещее слово «Смерш». Именно зловещее, так оно и было задумано.

Воистину хрестоматийным стал рассказ генерал-майора Сергея Захаровича Острякова^[28] о том совещании у Верховного, где родилось это название.

«Предложения были разные. Большинство склонялось к тому, чтобы это наименование сделать максимально кратким и составить его из начальных букв широко известного тогда лозунга “Смерть немецким шпионам!”. Получилось что-то вроде “Смернеш”. В заключение Сталин отметил:

— А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах? Разве другие разведки не работают против нашей армии? Давайте назовём “Смерть шпионам”, а сокращённо “Смерш”... »²⁹

Гораздо менее известно, что принятию решения о создании Смерша предшествовала серьёзная подготовка и что идея была не просто «спущена сверху», но изначально проработана на самых различных уровнях.

«За день до решения вопроса о создании НКГБ, т.е. 13 апреля 1943 г., кабинет председателя ГКО И.В. Сталина в одно и то же время посетили и провели там более двух часов члены ГКО В.М. Молотов^[29], Г.М. Маленков^[30], Л.П. Берия, заместитель наркома внутренних дел В.Н. Меркулов, заместитель наркома обороны и начальник ГлавПУ РККА А.С. Щербаков^[31], только что назначенный заместителем наркома обороны по кадрам Ф.И. Голиков^[32], а также семь руководителей особых отделов фронтов. Эту группу возглавлял замнаркома внутренних дел, начальник Управления особых отделов НКВД В.С. Абакумов. На заседании шла речь о выделении военной контрразведки из системы НКВД и придании ей определённого статуса в рамках военного ведомства»³⁰.

К тому же с начала апреля в Москве работала созданная по инициативе Абакумова комиссия УОО по решению вопросов по подготовке нормативных документов для реорганизации Особых отделов. В состав «группы разработчиков» вошло не только по одному представителю особых отделов каждого фронта и военного округа, но и представители от каждой штатной должности — начиная от старшего оперуполномоченного до заместителя начальника особого отдела фронта и округа, а также — представитель от особых

отделов Военно-морского флота.

«Комиссия работала десять дней. Заседания комиссии проходили ежедневно с 13.00 до 24 часов в кабинете И.Я. Бабича^[33], иногда в этих заседаниях принимал участие и В.С. Абакумов. Обсуждения выносимых на заседания вопросов всегда проходили активно... Комиссия разработала все основные нормативные документы: Положения о военной контрразведке НКО “Смерш”, необходимые приказы, наставления и инструкции, структуру органов военной контрразведки. Разработанная комиссией структура Главного управления контрразведки НКО “Смерш”, фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных органов контрразведки и флотов была не громоздкой, эффективной, позволявшей обеспечивать чёткую работу всех звеньев Военной контрразведки сверху донизу»³¹, — вспоминал полковник Иван Яковлевич Леонов, представлявший в той комиссии Карельский фронт.

«Смерш не появился из ниоткуда, он стоял в полном смысле слова на плечах своих предшественников, впитав в себя всё самое положительное из опыта российской и советской контрразведки, представляя собой сгусток концентрированной, направленной энергии мастерства, профессионализма, мужества, полной самоотдачи, отсутствия лишних бюрократических пут и ограничений, немыслимых для военного времени, где промедление — смерть не только одного оперативника, но тысяч солдат и офицеров, — считает доктор юридических наук А.Г. Шаваев. — До Смерша надо было дорасти не только военным контрразведчикам, а прежде всего военно-политическому руководству страны...»³²

Но что это такое — Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР?

Если в двух словах, то особая, совершенно автономная структура Наркомата обороны, обеспечивающая безопасность армии.

Если же официально, то в Постановлении ГКО было указано

так:

«1. Главное управление контрразведки НКО (“Смерш” — Смерть шпионам), созданное на базе бывшего Управления особых отделов НКВД СССР, входит в состав Народного комиссариата обороны.

Начальник Главного управления контрразведки НКО (“Смерш”) является заместителем народного комиссара обороны, подчинён непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения.

2. Органы “Смерш” являются централизованной организацией: на фронтах и в округах органы “Смерш” (управления “Смерш” НКО фронтов и отделы “Смерш” НКО армий, корпусов, дивизий, бригад, военных округов и других соединений и учреждений Красной армии) подчиняются только своим вышестоящим органам...»³³

Это очень важный момент: подчинение смершевцев только своему начальству. Ведь в первые два года войны, когда военная контрразведка входила в состав НКВД, в соответствующем постановлении ГКО было указано:

«Подчинить Управление особых отделов и особые отделы Народному комиссариату внутренних дел, а уполномоченного особотдела в полку и особотдела в дивизии одновременно подчинить соответственно комиссару полка и комиссару дивизии»³⁴.

Вот и получалось, что если контрразведчики главной своей задачей считали противодействие спецслужбам противника, то политработников больше всего «интересовали спецсообщения о борьбе с дезертирством, членовредительством, иными преступлениями со стороны военнослужащих, об итогах расследований разного рода чрезвычайных происшествий, фактах морально-бытового разложения отдельных офицеров и генералов, недостатках в тыловом обеспечении войск и т.д.»³⁵. Стоит ли объяснять, насколько осложняло работу такое двойное подчинение? Слава Богу, эти трудности остались позади!

Начальником ГУКР «Смерш» и, соответственно, заместителем наркома обороны был назначен комиссар

государственной безопасности 2 ранга — это звание, соответствующее армейскому генерал-полковнику, было присвоено ему ещё 4 февраля 1943 года — Виктор Семёнович Абакумов.

Как рассказывала секретарь-машинистка штабного отдела ГУКР «Смерш» Валентина Андреевна Воробьёва, «многие сотрудники с неподдельной искренностью выражали чувство радости, что после расформирования Управления особых отделов НКВД начальником Главного управления контрразведки “Смерш” оставили Виктора Семёновича Абакумова, в которого была вера как в строгого, требовательного, но заботливого “отца семейства”.

Встречи с ним до сих пор стоят перед глазами, и в них он — высокий, стройный, подтянутый и яркий...»³⁶.

— В тот период отношение к нему было самое положительное, — вспоминает генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов^[34]. — Все знали, что человек это очень решительный. Одна только ссылка на его фамилию — по любым документам — приводила к немедленному их исполнению не только нами, но и войсковым командованием. Сказано: «Указание Абакумова» — значит, делать надо. И никаких! Мы же знали, что он лично докладывает Сталину, как его заместитель...

«Во многом секрет успехов Смерша таится в управленческих аспектах — быстродействующих формах и методах реагирования и воздействия на оперативную обстановку, неограниченные возможности концентрации и манёвра силами и средствами контрразведки и армии, уход от формальной рутины и перебрасывающей ответственность переписки, исключение двойных стандартов мышления, искоренение оптимистической статистики, реальная, не приукрашиваемая оценка событий и фактов, нацеленность на результат и спрос за результат, нехарактерная для военного периода стабильность руководящих кадров»³⁷. Эту работу наладил именно Абакумов, который не боялся «нестандартных методов», дерзко отходил от